

Александр Рогинский

Дом над обрывом

Дом, в котором мы получили квартиру, стоит над самым обрывом, отсюда отлично просматриваются днепровские дали и центр города. Внизу, в глубоком ущелье, детская площадка, видны головы родителей и дети, копошащиеся в смутной зелени на фоне раскрашенных металлических животных. Слон — желтый, крокодил — красный.

Я стою на балконе, у меня ощущение, что сейчас вместе с домом мы полетим за горизонт и там исчезнем навсегда. Тело начинает даже терять в весе.

* * *

За спиной хлопнула дверь.

Я вернулся в комнату и напоролся на сумрачный взгляд человека неопределенного возраста.

— Слышь, — сказал человек, — выпить у тебя не найдется?

— А вы кто будете?

— Твой сосед, так как насчет выпивки?

— Сейчас посмотрю.

* * *

Я отправился на кухню, где Таня уже разместила наш небольшой пищевой блок, заглянул в холодильник. Там стояла одинокая бутылка водки.

Я взял бутылку за горлышко и вернулся в комнату.

Сосед сидел на диване, который мы купили перед переездом.

— Это подойдет? — спросил я.

— В самый раз. И себе чарочку налей, — сказал он голосом хозяина, угощавшего забредшего на огонек алкаша.

— В такое время я не пью.

— Пить надо в любое время, иначе не успеешь.

— Чего не успею? — спросил я, изумленный наглостью человека, которого я видел первый раз в жизни.

* * *

Конечно, я мог его выгнать, даже применив силу. Мужичонка на вид был не из силачей. Но я жил теперь по новым законам, называл себя доброжелателем, а потому не имел права ни

кричать на людей, ни ругаться, ни грозить. Люди не виноваты, что они такие. Просто они еще не дошли до уровня моей компетенции и умения руководить собой.

* * *

Прожив на свете 35 лет, я понял, что человек сначала придумывает слова, а затем начинает осваивать их содержание. Поэтому молодые не могут быть философами по определению. Здесь надо много раз наколоться на острые пики проблем, решить их, по возможности...

И главное — начать себя перевоспитывать, так как природа спроектировала человека таким, каким он есть, не без умысла. Она дала ему мозг, не дав развитого сознания, которое бы подсказало, как этим мозгом пользоваться не во вред.

* * *

— Вот, — сказала Нечто, вызвавшее нас из небытия в материальный мир, — для того тебе и дана жизнь, чтобы эту задачу решить. Не всем, даже дожившим до преклонных лет, удастся это сделать.

* * *

Теперь я знаю: человек сам притягивает к себе своими мыслями разного рода негативы. А потом культивирует их, создавая целые поля негативов, тесно связанных друг с другом. Объединившись в одну компанию, негативы начинают действовать.

Получается, что мы сами себе враги. Чтобы не вгонять себя в мрак, следует прервать негативные мысли в самом начале. Но для этого нужно что-то предложить. Не только материя, но и дух не терпит пустоты.

В этом вся соль.

* * *

Я нашел наполнитель, теперь просыпаюсь всегда в радостном настроении. Назвав себя «доброжелателем», стараюсь вести себя по справедливости.

* * *

— Меня зовут Тарас, — мрачно говорит сумрачный тип, выпив стопку водки и занюхав кулаком.

— Ян Забелин, — представляюсь я.

— С женой мы разошлись, вот я и здесь, — говорит Тарас.

Я посмотрел на Тараса, как на близкого мне человека. Надо же такое: всего две минуты знакомы, а он уже мне про всю свою жизнь рассказал.

— А у тебя с женой как? — спросил Тарас.

— Все хорошо, вот переехали, будем детей рожать.

— Это хорошо. Детей я люблю.

* * *

Он это так сказал, будто детей рожать мы собирались исключительно для него. Я почувствовал неловкость. Этот Тарас умел поставить другого человека в неудобное положение. Я знаю таких людей, у них это происходит от неуверенности в себе.

* * *

Но Тарас производил впечатление как раз человека не просто уверенного, а самоуверенного. Другое дело, что он все время прятался за себя и как бы подсматривал, какое впечатление производит.

— Завидую. Всю жизнь мечтал на хорошей жениться, а нашел проститутку. Кто долго ищет, тот мало знает.

Да он еще и мудрец, подумал я.

* * *

— Но я в запой уходить не буду, ты как думаешь?

Я пожал плечами.

— Запой — дело серьезное, можно и не выйти, — продолжал мудрствовать Тарас. — Однако лицо у тебя характерное. Пожалуй, я тебя напишу.

— Так ты художник? — с облегчением вздохнул я.

— Какой там художник. Их-то всего три десятка штук за всю историю и было.

Я так — маляр. По-украински очень точно и правильно художник называется — маляр. И не больше. Однако старший лейтенант тебя ни о чем не спрашивал?

* * *

Я едва поспевал за ходом мыслей моего нового знакомого.

— Какой старший лейтенант?

— А вчера тут ходил по этажам, рассказывал, что на третьем этаже девушку нашли зарезанной. Не успели люди поселиться, а уже труп. В жестокое

время, однако, живем. Войны нет, а трупы есть.

— Война идет всегда, только меняются линии фронта. Включи телевизор, и на тебя свалится гора трупов.

— Потому я его и не включаю. Да его и нет у меня. А был. Лучше водку пить.

Девушку жалко, ведь ее растили. Только до пяти лет вытянуть, когда человек и начинается, сколько усилий потратить нужно. А тут ножичком р-р-р-а-з, и весь труд насмарку. А может быть, она бы родила гения, и он создал нечто такое, чего никто не создавал.

* * *

Я сел на стул, который стоял посреди комнаты и задумался. Таня придет только вечером, мне велено было все расставить по своим местам и, по возможности, убрать квартиру.

* * *

Тарас устроился надолго, а выгнать его, согласно нового своего устава, я не могу. Следовательно, надо с ним разговаривать и ждать, когда у него сработает его врожденная деликатность.

Пока не срабатывала. Разговорной практики,

видно, у него не было, а от потребности поговорить грудь распирало. Тарас с трудом подыскивал слова, некоторые по ходу заменял, подчеркивая их замену росчерком в пространстве указательного пальца.

* * *

— Старший лейтенант совсем молоденький, только юрфак закончил, он меня два часа мучил, а что я мог ему рассказать? Девушку зарезал ведь не я.

Хорошо говорит Тарас. Мне нравится. Начинает с одного — заканчивает другим. Все время надо быть настороже.

— Он и вас замучает. Дотошный.

— А о чем спрашивал?

— Да обо всем, вплоть до того, болел ли я в детстве Боткиным.

— Ну, это ты уже загибаешь.

— Я его спросил, зачем он в милицию пошел. Говорит, кино виновато, там так интересно. Страна поделена на две части: одни преступники, другие следователи. Одни воруют, другие ловят.

Вот он в кино и играет, мальчишка еще, а его выбросили в настоящую жизнь, где настоящая кровь. Вот и девушка зарезанная. Он сказал, что это первая у него жертва. А еще я пообещал свести его в наш зимний сад.

— Зимний сад?

* * *

Тарас с укоризной посмотрел на меня.

— В нашем доме живет архитектор Марк Сергеевич Балах. Он проектировал этот дом для себя и для таких, кто может жить в коллективе. Я тебя с ним познакомлю. Он пенсионер, на работу редко ходит, там его очень уважают.

— И выпить дает.

Тарас подозрительно посмотрел на меня.

— Дает. Сам пьет только Закарпатский коньяк. Там воздух хороший — дистиллированный. Коньяк всю эту благодать усиливает. Сразу становишься себе интересным. Когда-то и я им баловался, а теперь по статусу не полагается.

* * *

— Ну идем смотреть зимний сад, — предлагаю я Тарасу.

— Бутылочку с собой прихватим, а можно и архитектора.

Тарас сумел меня расслабить, работать категорически не хотелось, тем более, убирать квартиру. Ничего, Таня переживет.

Мы поднялись на полуэтаж, перед нами

возник длинный коридор, в конце которого находилась дверь. Тарас шел впереди, и я обратил внимание, что он припадает на левую ногу.

* * *

Тарас открыл высокую деревянную дверь, мы очутились...в саду. По всей территории в деревянных кадках росли деревья.

Я вышел на поляну, где были расставлены столики, имелась небольшая эстрада, на которой сидел старик, похожий на физиолога Павлова, что-то писал мелким бисером. Старик поднял голову и закивал, как кивает в зоопарке жираф.

— Ждем, ждем. Вы с 45-й квартиры, верно? — обратился он ко мне.

И тут же представился:

— Марк Сергеевич, прошу, садитесь.

* * *

— Вы только посмотрите, — заговорил Марк Сергеевич, словно продолжал давно начатый разговор, — люди сегодня разъединены. Все живут в изолированных квартирах, дворов, других точек соприкосновения, кроме хождения по именинам, нету.

А в нашем доме люди смогут общаться. Всего

лишь подняться на крышный этаж, и вы в дискуссионном зале среди зелени и чистого кислорода. Чистый кислород рождает чистые чувства. У людей сегодня такого рода чувств все меньше и меньше, потому что все меньше и меньше кислорода.

* * *

Марк смотрит на нас с Тарасом с нескрываемой гордостью.

— Идея очень хороша. Даже близкие родственники предпочитают разговаривать по мобильным телефонам. А здесь мы сможем общаться каждый день и вечер, устраивать игры, — сказал я.

Тарас посмотрел на меня исподлобья, не затеваю ли чего.

* * *

А мне действительно нравилось: этакий сталинский проект коммуналки, который называли «слезами социализма». Конечно, тут не коммуналки и спорно, чтобы современные люди собирались для пустых разговоров в этом прекрасном саду с прекрасным видом.

— Вы полагаете, — словно прочитал мои

мысли Марк, — что люди сегодня не рвутся к общению друг с другом?

— Люди сегодня, как мне кажется, больше склонны вести деловые переговоры в таких садах, а просто так собираться...зачем?

* * *

Вопрос мой был настолько нелеп, что даже я почувствовал. Что уж говорить о Марке. Я, наверное, был первым человеком, который возразил ему, да к тому же, я был жильцом этого дома.

Но я действительно слабо представлял, что приду домой с работы и вместо того, чтобы послушать по каналу «Меццо» отличную музыку, пойду слушать кудахтанье Светланы Николаевны или разглагольствования замечательного старикашки архитектора Марка Сергеевича. Он, конечно, думал о себе, когда проектировал-рисовал этот дом, но почему он не подумал обо мне?

* * *

На этой территории неплохо бы разместить бассейн, спортивные залы. Мало ли что можно для пользы разместить на такой площади. Конечно, нужна территория для общения. Но отдать 300 квадратов под пустопорожнюю болтовню, пытаюсь

скрестить миллионера с простым художником?

* * *

Коллективизм, как комета Галлея, возникает в пространстве человечества через определенное время. Но никогда он, как и комета, надолго не задерживался. Кроме того, от него были лишь одни неприятности с огромным количеством жертв — как и от кометы Галлея.

* * *

Лицо Марка стало жестким.

— Вы еще обвините меня, что я этот дом делал под себя, под собственную старость. Были такие умники в градостроительном совете, которые меня этим попрекали. Но я ведь не вечен, а этот дом останется для людей. Они будут стариться и скрашивать свой возраст общением, разве это не прекрасно!

* * *

Я не успел ответить, в нашем зимнем саду появилась еще одна фигура — милиционера. Он и впрямь был мальчишкой: форма на нем висела, как на вешалке, а длинные руки болтались вместе с

кожаной сумкой.

Мальчишка бесцеремонно оглядывал нас.

— Здравствуйте, — сказал мальчишка. — Я следовательно по делу Веры Загородней.

— Мы вас слушаем, — сказал я.

— Это я буду вас слушать, — сказал старший лейтенант, — но я вижу, вы еще не знакомы между собой. Дом только собирается, еще не все квартиры заселены, а на некоторые нет покупателей. Говорят потому, что дом в опасном месте построен, может съехать в овраг. Газета об этом писала, вы не читали?

Но даже если вы не читали, вы теперь знаете. Вам здесь жить. И примета очень плохая.

— В общем, на нашем месте, вы бы уже съехали отсюда, — не удержался я. — В овраг.

— Возможно, возможно, — произнес, не заметив моего юмора милиционер. — К тому же, замечу — со мной так разговаривать нельзя, прошу включить ваше аристократическое воспитание.

— Мы уже давно его включили, — снова не удержался я. — Если вы по делу, то давайте говорить о деле, а не о доме, который должен съехать. Зачем вы это говорите?

* * *

Милиционер попал в цель. Я теперь все время

буду думать о том, что дом съедет. А если это произойдет ночью? И это вскоре станет известно всем жильцам. Вот что значит немного разбогатеть и купить себе приличную квартиру, тут же найдутся завистники.

* * *

— Все это ложь, — вступил в разговор архитектор Балах. — Если бы тут было хоть на грамм опасности, я бы не решился жить в этом доме. Тысячу раз тут проверены грунты, проведены самые тщательные геологические исследования. Дом поставлен на опускных колодцах. Это на сегодняшний день самый надежный фундамент, учитывая еще и буронабивные сваи.

* * *

Я радовался за нашего архитектора. Он, в сущности, повторил сейчас пояснительную записку и рекламу в газетах и на телевидении. Там тоже говорилось о надежности дома.

Старший лейтенант стоял с красными пятнами на розовых щеках. Глаза его смотрели сразу на всех. Я впервые видел, чтобы у человека глаза смотрели сразу на всех.

Он выждал паузу, затем строевым шагом на

длинных ногах прошел к круглому столу, стоящему у сцены.

* * *

Вся эта картина, похоже, мне приснилась. Зачем я здесь? Почему из хорошего настроения я получил настоящий упадок, граничащий с депрессией?

Я жил по своему сценарию, строил планы, все шло хорошо.

* * *

В прошлом году мне позвонил мой школьный товарищ Родион Горчаков, с которым мы часто ездили на шашлыки (как он умеет их жарить, не всякий знатный повар-грузин сможет). Родик позвонил и ласковым голосом сообщил, что он нашел мне очень дешевую трехкомнатную квартиру в прекрасном месте. Доступ к очереди ограничен, но Родя все уже сделал. Достаточно нашего согласия.

* * *

— Представляешь, — рассказывал при встрече Родик, — бывший заказчик внезапно умер,

оставив наследство своей жене, которая не то, что в строительстве ни бельмеса не понимает, а даже не знает, сколько стоит квадратный метр на рынке недвижимости.

Она полная дура, но страшно красивая и богатая. Поэтому удалось выцыганить у нее права на этот дом практически за бесценок. Она еще и благодарила. И мне на хлеб с икрой досталось за мои посреднические услуги.

* * *

Что ж, я действительно должен был поблагодарить Родю. В прошлом году я еще не был женат и жил в своей однокомнатной квартире у черта на рогах в спальном районе, из которого в центр, где я работал, добираться было часа полтора, учитывая среднюю наполненность пробок.

* * *

И вот я встретил Таню, и она вскоре стала хозяйкой в моей холостяцкой еще не до конца запущенной квартире.

Когда Родя позвонил, я понял, что это судьба. Мы, конечно, могли жить и в нашем скромном счастливом углу, но с учетом потомства хотелось бы немного расширить площадь, чтобы детские

вопли создавали вибрацию не у меня над ухом, лишая последних надежд на сон, а хотя бы в некотором отдалении.

Так что предложение поступило вовремя. А, учитывая действительно божескую цену (нам даже кредит не понадобился), то можно было кричать на весь мир, как нам повезло.

* * *

Таня у меня очень спокойный человек. Она похожа на фиалку, посмотрев на которую ты становишься шелковым и начинаешь размышлять не о смысле жизни, выбираясь из сумрачных коридоров своего ущербного мрачного подсознания, а о том, как жизнь прекрасна и хороша.

Это, конечно, пошло сравнивать девушку с цветком, да еще с таким, как фиалка, но что я могу поделать, Таня — вылитая фиалка. Она даже пахнет ею.

* * *

Таких женщин, думал я в первые месяцы нашего знакомства, нужно оберегать. Я даже решил заняться айкидо, чтобы усилить свои защитные функции, но затем с нами произошел случай,

который доказал мне в очередной раз, как обманчивы бывают внешность и наше мудрое сознание, определившее человека в образе и в определенном типе.

* * *

Был вечер, мы собрались в театр. Посещение театра было (честно признаюсь) для меня тягостным делом. И не потому, что я не любил сцену, актеров. Я не любил запахи, которые витали в зале и которые могли вызвать нежелательные реакции моего организма.

Наши люди не все научились мыться, а немытое тело, густо политое дезодорантом, подобранным испорченным вкусом, даже при наличии сквозняка со сцены, может убить любую любовь к искусству.

* * *

После спектакля мы вышли, и я глубоко вдохнул чистый бензиновый перегар (после театрального воздуха это был чистейшей воды кислород).

Мы молча продвигались к нашему дому, когда из— за угла вышел тип и попросил нас отдать имеющиеся у нас деньги.

Я начал готовиться к обороне, но тут последовало нападение, неожиданное для меня.

* * *

Таня выдвинула вперед свою длинную стройную ногу в направлении главного мужского органа и сократила резко мышцы коленного сустава. Бандит охнул и опустился на землю.

— Ничего, не умрет, — спокойно сказала Таня, беря меня под руку.

* * *

Дома Таня сбросила с себя одежду и уселась на диване, загнув ногу почти до плеча.

— Ты знаешь, — начал я восторженный отзыв об увиденном.

— Не надо, — сказал Таня. — Я однажды одного козла действительно едва не отправила на тот свет.

* * *

Старший лейтенант, видно, хорошо учился. Он попросту проигнорировал все предыдущие высказывания «аристократов» и занялся своим делом.